

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

Активные процессы в лексической системе современного русского языка на рубеже XX-XXI веков

^{1, 2} Довлеткиреева Л.М.,

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

² Академия наук Чеченской Республики

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы современной русистики, связанные с изменениями в лексической системе русского языка на рубеже XX-XXI веков. Предпринята попытка системного описания основных процессов, происходящих на современном этапе развития языка на уровне лексики. Рассмотрены такие явления, как заимствование иноязычной лексики, неологизация, нейтрализация лексики, эвфемизация, детерминологизация, метафоризация, сдвиг в семантике в результате языковой практики в процессе адаптации заимствованного слова. В работе также анализируется влияние средств массовой информации на изменения в лексической системе языка. Приводятся примеры удачного и ошибочного использования новой лексики. Обращается внимание на функциональный аспект ее применения в стилистических и номинативных целях.

Ключевые слова: лексика, лексема, заимствованное слово, текст, термин, детерминологизация, семантика, язык

Для цитирования: Довлеткиреева Л.М. Активные процессы в лексической системе современного русского языка на рубеже XX-XXI веков // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 93 – 99.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

***

Active processes in the lexical system of the modern Russian language at the turn of the XX-XXI centuries

^{1, 2} Dovletkireeva L.M.,

¹ Kadyrov Chechen State University,

² Academy of Science of Chechen Republic

Abstract: the article examines the current problems of modern Russian studies related to changes in the lexical system of the Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries. An attempt is made to systematically describe the main processes occurring at the present stage of language development at the lexical level. Such phenomena as borrowing foreign vocabulary, neologization, neutralization of vocabulary, euphemization, determinologization, metaphorization, and a shift in semantics as a result of linguistic practice in the process of adaptation of a borrowed word are considered. The work also analyzes the influence of mass media on changes in the lexical system of the language. Examples of successful and erroneous use of new vocabulary are given. Attention is drawn to the functional aspect of its application for stylistic and nominative purposes.

Keywords: vocabulary, lexeme, borrowed word, text, term, determinologization, semantics, language

For citation: Dovletkireeva L.M. Active processes in the lexical system of the modern Russian language at the turn of the XX-XXI centuries. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 93 – 99.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Тема статьи представляется нам *актуальной*, так как именно в наше время наблюдается активизация изменений в русском языке, и все эти процессы требуют внимательного изучения. Динамичность современного этапа развития языка вызывает ряд дискуссий как среди ученых, так и в прессе, и даже среди граждан, которые профессионально не связаны с лингвистикой. Почему происходит ускорение языковых процессов? На это влияют не столько внутренние законы развития языка, сколько экстраглавионические факторы: общественные, экономические, политические. На рубеже веков, как известно, страна претерпела существенные изменения во всех сферах общественной жизни, которые продолжаются до сих пор. Катализмы в политике и экономике не могут не отражаться на языковой ситуации и, прежде всего, на лексической системе.

Цель исследования: описать актуальные проблемы, связанные с активными процессами в системе русского языка, которые происходят под влиянием различных внешних (политических, социальных, экономических) и внутренних (языковых) причин.

Материалы и методы исследований

Предмет исследования – изменения в лексике русского языка на рубеже XX-XXI столетий.

Теоретической основой нашей работы послужили научные разработки современных русистов: Валгиной Н.С., Карапурова Ю.Н., Костомарова В.Г., Ермаковой О.П., Крысина Л.П., Какориной Е.В., Мурашова А.А., Поступовой Г.М., Савицкого Н.П., Ферм Л., Чохонилидзе Н.С., Шмелева Д.Н. и др.

Методология исследования: анализ языковых единиц в синхроническом аспекте, систематизация, сопоставление языковых фактов, социальный подход к осмыслению языковых изменений.

Результаты и обсуждения

Российское общество после падения «железного занавеса» в конце XX века стало более открытым, оно во многом стало ориентироваться на западный образ жизни, этим обусловлен массовый поток англизмов в русскую речь, количество которых, на наш взгляд, зашкаливает допустимые пределы. Пристрастие к американским демонстрируют журналисты, их тексты бывают перенасыщены иноязычной лексикой, что затрудняет восприятие и понимание информации. Эту ситуацию нельзя назвать нормальной, когда говорящий на русском языке, чтобы понимать медиатекст российских СМИ, должен еще и хорошо владеть английским языком.

Многие лингвисты выступают за сохранение чистоты русского языка. Эта проблема волновала ученых и деятелей русской культуры еще в XIX-XX веках. Так называемые «пуристы», среди которых, к примеру, лексикограф В. Даль, основоположник и идеолог русского футуризма В. Хлебников, выступали за ограничение заимствований в русском языке и за необходимость замены иноязычных слов русскими эквивалентами. При их отсутствии предлагалось придумывать новые слова, но на базе русского языка с использованием словообразовательных моделей последнего, то есть идти по пути французов, которые не заимствуют, а создают свои номинации для новых предметов и явлений, оберегая тем самым свой язык. В. Хлебников был против определения «футуризм» для своего поэтического направления, основной целью которого он видел эксперименты со словом. Он называл себя «будетлянином», латинский корень и суффикс ему претили. Существительное «будетлянин» образовано по модели «будет» + суффикс «янин» и фонема [л], по аналогии с «землянин». Пуристы предлагали, к примеру, называть калоши мокроступами, фонтан – водометом, туриста – чистяком, автомат – живулей, аллею – просадом, бильярд – шарокатом, библиотеку – книжницей и т.д.

Порой логика таких новообразований не просматривается или угадывается весьма смутно, как в случае с «чистяком» и «живулей». Вероятно, это одна из причин, почему такой путь неприемлем для русского языка, который сам отбирает нужные ему единицы. Никакие искусственные директивы и предложения «сверху» и «со стороны» он не приветствует, они просто не приживаются. Образно говоря: язык, как живой организм, сам на своих волнах выносит то, что ему нужно, на поверхность, а то, что не нужно, выбрасывает на берег. Еще А.С. Пушкин четко определил, когда русскому языку необходимо иностранное слово. В своем романе «Евгений Онегин» он извиняется перед читателем за излишнее злоупотребление иноязычной лексикой, но говорит, что слов «панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет», то есть, когда нет наименований в своем языке, их следует взять в готовом виде.

В тот момент, когда заимствованное слово входит в практику говорящих на русском языке, кажется, что оно является полным эквивалентом существующим. Например, краткий – лаконичный – лапидарный. Но что происходит с ним с течением времени? Вступая в синтагматические отношения с единицами принимающего языка, оно постепенно отталкивается от существующих эквивалентов,

развивает дополнительные оттенки лексического значения либо приобретает новую стилистическую окраску. И уже в таком измененном формате занимает определенную нишу в словарном составе языка-реципиента. То есть иноязычная лексика не засоряет в этом случае русский язык, а под его же влиянием трансформируется и обогащает.

Одной из тенденций современной лексики является обилие варваризмов в публицистике и рекламных текстах. Еще не освоенные или не до конца освоенные языкоком иностранные слова, как правило, записываются латиницей, либо в транслитерации, либо частично в латинице, частично в кириллице, образуя в этом случае сложносоставные слова (CD, CD-ROM, BMW, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, PR-акция, VIP-клиент, Windows). Порой такой симбиоз двух графических систем рождает слово, образованное с помощью суффиксации, типа VIPовский, PRщик.

Многие журналисты способствуют появлению заимствований-эквивалентов. То есть, вроде бы, обозначение в языке уже имеется, но стремление к оригинальности толкает на привлечение иностранных словарных ресурсов. Спортивные журналисты, светские хроники и другие представители масс-медиа этим отличаются.

Эта тенденция привела к тому, что русский язык в публицистике стали называть «интеррусским» или «англо-русским», что, конечно, подчеркивает негативный характер данного процесса и профессиональной установки – «ради украшательства», «из-за ауры неизвестности, новизны». Это все приводит к тому, что предельный порог допустимости заимствований в современной публицистике явно завышен. Например, к чему говорить: «Я к вам отношусь индифферентно», если есть нейтральное слово «равнодушно»?

Заимствования без меры засоряют язык, но, с другой стороны, они необходимы, так как обогащают его, придавая большую смысловую точность. Злоупотребление иноязычной лексикой приводит к множеству речевых ошибок, связанных с непониманием лексического значения слова. Например, «дать по харизме» (из диалога двух друзей), «Ионыч гарцевал с ленивым кучером на козлах» (из школьного сочинения), «латидарное выступление» (из комментария к исполнению песни участником шоу «Голос» на Первом канале, который дала член жюри П. Гагарина). Называть российскую газету «таблоидом» неправильно, ведь таблоид в Англии – это не любая газета, а имеющая специфический тип верстки.

Приведенные примеры – это речевые ошибки, связанные с употреблением слова без учета семантики. Бывают также ошибки, связанные с наруше-

нием валентности (говорить *конспективно*), или плеоназм (выступить *единым монолитом*).

Кроме того, неоправданное смешение в речи иноязычной и русской лексики получило наименование «макаронический стиль», который иногда является художественным приемом, особенно в массовой поп-культуре. Например, Земфира в песне «Ромашки» поет строчку: «Не нужны мне твои камбэги». О чем идет речь? Только знающий английский язык понимает, что имеются в виду расставания с последующими возвращениями.

Слово «шоу-бизнес» называет развлекательную индустрию, то есть в принципе выполняет номинативную функцию, однако в СМИ оно зачастую используется в ироничном контексте.

В связи с изменением политических условий произошла актуализация и таких слов, как «рейтинг», «популизм», «баллотироваться», «плюрализм», «легитимный». Эти лексемы появились на страницах газет и в эфире радио и телевидения в конце XX века в связи с изменением политической парадигмы. Слово «легитимный» в процессе своего применения расширило свое лексическое значение, оно переводится как «законный», но в последнее время стало употребляться в смысле «тот, кого поддерживает большинство населения». За счет этого прилагательное «легитимный» приобрело возможность использования в экспрессивных целях.

Слово «сепаратисты» в советское время могло быть использовано только по отношению, например, к событиям в Кашмире или Пенджабе, но оно стало чрезвычайно активно использоваться в российских СМИ в 90-е годы в связи с событиями в Чеченской Республике.

При закреплении в языке расширяется значение не только лексем, но и иноязычных морфем. Так, в свое время префикс «супер» вытеснил русский «сверх», в данное же время он стал употребляться в значении «большая степень, чем сверх», ведь этот элемент стал употребляться как самостоятельное слово: «Твое выступление супер!» – что также повлекло образование на его основе сленговых слов типа прилагательного «суперский» и наречия «суперски».

В связи с распространением интернета большую популярность приобрели слова из техножаргона: сеть, инет, паутина, мыло, западня, узел, юзер (вместо русского «пользователь»), хайп, троллить, хейтер, веб-дизайн, веб-страница (веб – сеть), нет (в значении Интернет). Поскольку последнее совпадает с русским отрицанием «нет», то может возникнуть недопонимание, например, в таком словоупотреблении как «неткультура» – это не отрицание культуры, как может сначала пока-

заться, а культура сетевого общения. Неточное понимание значений приводит к тавтологическим ошибкам, например, «сеть Интернет», «сетевой онлайн» – в каждом из этих выражений одно из слов, безусловно, является лишним.

На телевидении и в прессе активно используются такие слова, как «транш», «дедлайн», «оффшор», «пиар», «джок-дайл», причем такую лексику вряд ли может правильно объяснить рядовой носитель языка. В результате мы имеем дело с тем, что они не выполняют даже номинативной нагрузки, не говоря уже о стилистической.

Слово «спам» тоже используется журналистами в номинативном значении, так как нет его синонима в русском языке. Оно обозначает рекламную или иную рассылку по адресам электронной почты, чаще всего засоряющую почтовый адрес и не нужную получателю.

Следовательно, при отсутствии эквивалента в русском языке заимствованное слово чаще всего употребляется в номинативных целях, если же эквивалент есть, то, как правило, заимствование может быть использовано не только в номинативном значении, но и в экспрессивном в стилистических целях, а также возможен сдвиг лексического значения.

Политики умело коррелируют значения слов со своими политическими интересами. Вспомним военную кампанию в Чеченской Республике. В прессе воюющих с федералами чеченцев именовали сначала «незаконными бандитскими формированиями», «бандитами, дудаевцами, наемниками, террористами». Но, когда изменилась целевая установка, их стали называть «сепаратистами» (термин нейтральный, так как обозначает сторонников отделения), также начали фигурировать понятия «чеченские оппозиционеры», «боевики», «незаконные вооруженные формирования», «сторонники независимости».

Нейтрализация лексики – одна из тенденций современной публистики. Так, профессиональная лексика стала активно включаться в литературный язык. Со многими лексемами происходит утрата налета специального слова и расширение смысла. К примеру, «накладка, ляп, спайка, пролойка».

В то же время идет и обратный нейтрализации процесс, когда книжные слова выходят за рамки литературности и приобретают разговорный характер: «давеча, загодя, кабы, сговор, сборище»...

Интересным явлением, на наш взгляд, стала эвфемизация, то есть в языке на уровне семантики происходит не только нейтрализация по принадлежности к функциональным стилям, но и по смыслу: нежелательный для говорящего по поли-

тическим или нравственным понятиям смысл вуалируется: непопулярные меры (сокращение штата), крайние меры (ввод войск), бесперспективная семья (семья, в которой по каким-то причинам не может быть детей), высшая мера наказания (расстрел), лица без определенного места жительства (бомжи, бродяги), дом ночного пребывания (ночлежка), физически устранить (убить), контртеррористическая операция, специальная военная операция, наведение конституционного порядка (военные действия). Обычно подобные эвфемизмы используются в юридических, военных текстах и в официальных СМИ.

Еще одна примета современной функциональной речи – повышенная метафоризация в публицистических текстах. Метафора направлена не только на образное выражение мысли, как в художественном стиле речи, но и на стремление вскрыть общественно-политические процессы и идеологические перемены.

Изучение метафорики определенного этапа общественного развития, по мнению исследователей, позволяет выявить особенности мышления людей той эпохи. К примеру, так считают А.Н. Баранов, Ю.Н. Карапулов, В.Г. Гак, О.П. Ермакова [1, 4, 5, 8].

Приведем примеры некоторых метафор, ставших в итоге клише, из современной публистики: *коридоры власти, окопы партократии, грязное закулисье, острова тоталитаризма, оранжевая революция, черный вторник, национальные квартиры...*

Процесс метафоризации привел и к такому явлению в лексике как детерминологизация, в результате чего литературный язык активно обогащается. Например, в связи с пандемией коронавируса встречаем выражение «пандемия страха». Детерминологизация происходит тогда, когда термин включается в несвойственное для него словесное окружение и употребляется в переносном значении: «саморефлексия», то есть самоанализ, «гигиена мыслей», «гигиена власти», то есть слово употребляется для обозначения нравственных или общественно-политических понятий. С использованием названий различных заболеваний или болезненных состояний создаются фразеологизмы с острой политической формулировкой: «агонияластной структуры, подагра нравственности, склероз совести, цензурная лихорадка, проказа соцреализма, гангрена тоталитаризма».

Тенденция детерминологизации активизировалась в три последних десятилетия. Обычно во всех случаях не утрачивается связь с термином из конкретной научной области, просто лексема применяется по отношению к какому-то другому факту

реальности. Однако бывает так, что какие-то термины приобретают устойчивое метафоричное значение, например, математические понятия «формула, аксиома, сумма, теорема». Более расширенное значение получили термины химии: «брожение в умах, элемент нашей жизни, ответная реакция простых людей».

Современная терминологическая метафора очень широко используется в публицистике. Это термины из медицины, юриспруденции, военные, спортивные, географические, философские, термины искусства и других отраслей знаний. Очень широка и тематическая сфера их применения в метафорических выражениях: от государственного устройства до нравственных состояний. Приведем некоторые примеры из современной публицистики: «власть возбудила вирус недоверия, искусственная инъекция радости, энтропия души, коррозия смысла, девальвация интеллекта, остеохондроз экономики, геометрия любви, глаукома образовательных услуг». Мы видим, что в основном это не новая терминология, а новая речевая практика, которая расширяет сферу использования лексем, в большинстве случаев метафоризация терминов имеет оценочно-негативный характер описываемого явления действительности. Хотя порой в статьях встречаются и нейтральные словосочетания, которые не имеют явно выраженного негативного или положительного оценочного значения: «лексика танца, геометрия любви». Они не содержат индивидуальной образности, так как быстро клишируются, но достаточно экспрессивны.

Как было отмечено, результатом детерминологизации становится расширение семантического поля термина за счет метафоризации.

Выводы

Языковые перемены в конце XX-начале XXI века были восприняты носителями языка активно, так как они стали отражением изменившейся исторической парадигмы. К основным изменениям можно отнести следующие: уход в пассивный пласт советизмов, то есть слов и выражений, обозначающих реалии советской эпохи; актуализация слов, которые в советское время ушли в пассив, но вернулись в наше время, так как понятия, ими обозначаемые, вновь стали актуальными; вторже-

ние просторечий и жаргонизмов в литературный язык, так называемая «демократизация» языка, нейтрализация лексики; поток заимствованной лексики для обозначения новых экономических и политических реалий, достижений науки и техники, а также мода на заимствования в целом; детерминологизация; в области семантики – расширение, сужение и переосмысление семантики многих слов; изменение валентности ряда слов и др. Все эти процессы имеют столь интенсивный характер, что словари не успевают фиксировать происходящие изменения, поэтому понятия «норма» и «отклонение от нормы» стали размытыми, стихийный характер приводит к субъективным оценкам явлений языка. Это значительно затрудняет деятельность лингвистов и лексикографов, в частности, в нормализаторстве. Особенно влияют на распространение новых слов и словоупотреблений СМИ и интернет. Однако язык имеет самоочищающую функцию и сам в состоянии снять «бурлящую пену», отбросить все ненужное.

Заимствованная лексика выполняет в СМИ не столько номинативную функцию (служит для обозначения новых явлений и предметов), сколько экспрессивно-стилистическую (придает образность либо оценочность, а также способствует созданию эффекта иронии).

Заимствованное слово, войдя в русский язык, несколько изменяется и начинает жить своей жизнью, подстраиваясь под законы и нормы языка-приемника. Например, в результате семантической адаптации может произойти значительный сдвиг лексического значения и слово получит совершенно не тот смысл, который оно имело в языке-источнике.

Также проведенный анализ показал, что существует обоснованное употребление заимствований и необоснованное. Во втором случае возникает обратный эффект: текст теряет свою информативность, так как значение заимствования может быть затемнено для читателя.

Заимствованная лексика, с одной стороны, обогащает словарный состав русского языка, с другой стороны – чрезмерное употребление англизмов в языке современных газет засоряет язык, вызывает негативное восприятие текста у читателя.

Список источников

1. Баранов А.Н., Карапулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: ИРЯ, 1991. 193 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 302 с.
3. Введенская Л.В., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 544 с.

4. Гак В.Г. Рецензия на учебное пособие Валгиной Н.С. «Активные процессы в современном русском языке»// Вопросы языкознания, 2003. № 3. С. 50 – 56.
5. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца ХХ столетия (1985-1995). М., 2000. 481 с.
6. Замальдинов В.Е. Новообразования в современных СМИ как сигналы речевого воздействия // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сборник научных работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак, С.В. Ушаковой. Белгород, 2017. С. 293 – 297.
7. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца ХХ столетия (1985-1995). М., 2000. С. 73 – 79.
8. Карапулов Ю.Н. Великий... могучий... многострадальный... // Неделя. 2009. № 40. С. 15 – 17.
9. Касьянова Л.Ю. Лингвокреативная природа неологизации // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета Николая Фёдоровича Алефиренко. Белгород, 2016. С. 58 – 64.
10. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце ХХ столетия. М., 2008. С. 142 – 161.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 2004. 340 с.
12. Пушкарёва Н.В. Русский язык: активные лексические процессы в эпоху нестабильности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2016. № 4 (24). С. 7 – 12.
13. Савицкий Н.П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 155-158.
14. Чохонелидзе Н.С. Активные процессы в современном русском языке (Курс лекций для студентов гуманитарного факультета). Тбилиси, 2007. 456 с.
15. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского глагола). М., 1999. 317 с.
16. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). М., 1994. 236 с.

References

1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russian political metaphor (materials for the dictionary). Moscow: IRYa, 1991. 193 p.
2. Valgina N.S. Active processes in the modern Russian language. Moscow: Logos, 2001. 302 p.
3. Vvedenskaya L.V., Pavlova L.G., Kashaeva E.Yu. Russian language and culture of speech. Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. 544 p.
4. Gak V.G. Review of the textbook by Valgina N.S. "Active processes in the modern Russian language". Issues of Linguistics. 2003. No. 3. P. 50 – 56.
5. Ermakova O.P. Semantic processes in vocabulary. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow, 2000. 481 p.
6. Zamal'tinov V.E. New formations in modern media as signals of speech impact. Discourseology and media criticism of mass media: collection of scientific papers (based on the materials of the international scientific and practical conference, National Research University "BelsU", October 4-7, 2017). Edited by A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak, S.V. Ushakova. Belgorod, 2017. P. 293 – 297.
7. Kakorina E.V. Transformation of lexical semantics and collocation. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow, 2000. P. 73 – 79.
8. Karaulov Yu.N. Great... mighty... long-suffering... Nedelya. 2009. No. 40. P. 15 – 17.
9. Kasyanova L.Yu. The linguo-creative nature of neologization. Cognitive-discursive strategies for language development: a collection of scientific papers based on the results of the International scientific conference dedicated to the anniversary of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Belgorod State University Nikolai Fedorovich Alefirenko. Belgorod, 2016. Pp. 58 – 64.
10. Krysin L.P. Foreign-language word in the context of modern public life. Russian language at the end of the 20th century. Moscow, 2008. P. 142 – 161.
11. Kostomarov V.G. The language taste of the era. Moscow, 2004. 340 p.

12. Pushkareva N.V. Russian language: active lexical processes in the era of instability. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Vladikavkaz, 2016. No. 4 (24). P. 7 – 12.
13. Savitsky N.P. Positive and negative reflection of society in language. Dictionary. Grammar. Text. M., 1996. P. 155 – 158.
14. Chokhonelidze N.S. Active processes in the modern Russian language (Lecture course for students of the Faculty of Humanities). Tbilisi, 2007. 456 p.
15. Shmelev D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian verb). M., 1999. 317 p.
16. Ferm L. Features of the development of Russian vocabulary in the modern period (based on newspapers). M., 1994. 236 p.

Информация об авторе

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченской Республики, e-mail: dlida@inbox.ru

© Довлеткиреева Л.М., 2025